

Д. В. ЦВЕТАЕВ

Обрусение иноземцев-протестантов в Московском государстве

<Фрагменты>

Объединив уделы и создав из них одно крепкое государство на началах православно-русской народности, Москва, естественно, с большою осторожностью относилась ко всему ей чуждому, иноземному, особенно к тому, что не согласовалось с ее религиозным воззрением. Культурность ее носила еще ту форму, в которой вероисповедание служит самым ярким отличием от других народов и самым надежным оплотом в сохранении национальной независимости; с падением Константинополя Москва наследует многие из его преданий, делается «второю Византией». Отсюда сознание своей нравственной близости с народами единоверными, сохранение к ним чисто родственного чувства и отчуждение от иноверных. Самыми близкими из чужеземцев были греки. Последняя Палеолог избирается в московскую государыню; инок Максим самую властью ставится руководителем духовно-просветительного движения. Но кроме людей теоретического и религиозного образования, надобились «знатцы», люди практической деятельности, то есть ремесленники, мастера, художники, военные, торговцы; в последних чувствовалась потребность даже более, чем в первых. Таких лиц мог доставить нам тогда лишь иноверный Запад. Но гордые культурой своих стран, хотя в большинстве сами невежественные, эти выходцы свысока смотрели на все православно-русское; не понимая его свойств, они принижали его, иные не были чужды и явных стремлений к религиозной пропаганде. Пропаганда эта находила себе поддержку извне, и по преимуществу из руководимой Римом Польши. Рим мечтал вознаграждать завоеваниями в России потери, понесенные им в Германии. Не довольствуясь религиозно-политическими насилиями в Юго-Западной России и частными

попытками совращения России Северо-Восточной, католическая Польша, с целью религиозной пропаганды, раз, в эпоху смуты, учинила на Московское государство натиск явно насильственный. То же отчасти замечалось в протестантской Швеции по отношению к Новгородской области. Непреоборимым охранителем самобытности явилось у нас тогда православие. Народ восстал не столько на защиту национальности, сколько за свою веру, которая тем самым помогла ему спасти и народность. Поддерживая русского человека в его нравственно-духовной независимости, вера вместе с тем внушала ему сознание духовного превосходства пред окружающим миром и вселяла бодрость и надежду на лучшее будущее. Православие делается народным знаменем, неизбежно принадлежностью русской национальности, «русский» и «православный» превращаются на народном языке в слова как бы однозначные, одно без другого не мыслимые.

При подобном значении вероисповедания в жизни народной и таком отношении к нему иноверцев ясно определялось положение последних в сравнении с русскими. Помимо исполнения возложенных на него и принятых им обязанностей, иноверец не имел значения, не пользовался равными правами с местным православно-русским населением. Иноверцы составляли особый мир, резко отгороженный и отгораживаемый от православно-русского. Не стесняемые в личном вероисповедании, а протестанты и в свободе отправления своего богослужения, иноземцы не могли ни заводить с русскими беседы о вере, ни присутствовать при богослужении, ни посещать храмы, ни вступать в родственные связи с русскими, во многих случаях даже нанимать русскую прислугу и т. п.; не раз пресекались и попытки замешаться между русскими.

<...> Стать равноправным членом государства иноземец мог не иначе как сделавшись русским; а так как русским нельзя было стать без православия, то ему необходимо надобно было принять православие.

Это принятие совершалось под условием перекрещивания. Народный инстинкт самосохранения подсказывал русским что при тогдашних обстоятельствах свое вероисповедание, это народное знамя, необходимо держать в сравнении с другими на высоте недостижимой, чтобы не дать тем и повода к мысли о приравнивания его к иноверию и чтобы никто из посторонних, как не освященных, не смел и касаться его. Иноверие поэтому сближено было со злостью, неверием лишенным таинств. По господствовавшему

тогда воззрению, иноверец был «нечистый», «поганый»; чтобы вступить ему в Православную церковь и в семью «святой» Руси, он должен был первоначально очиститься «банею паки-бытия», таинством крещения. Здесь много значило уважение к обряду, к тому что истинное крещение могло быть совершаемо только чрез погружение, а не чрез обливание или окропление, как то было у иноверцев. Крещению особенно должны были подвергаться протестанты, как в догматическом вероучении и в обрядах отклонившиеся от православия еще более чем католики и от того в религиозно-догматическом отношении считаемые еще ниже католиков, хотя, в силу их большей пригодности для практических государственных целей и большей уживчивости, пользовавшиеся у нас лучшим церковно-общественным положением*.

Заявивший о своем желании «креститься в православную христианскую веру» отводился обыкновенно в монастырь. Здесь готовили его к должному принятию таинства и новой жизни, наставляли его в вероучении и обрядах и по миновании срока совершали над ним крещение и миропомазание и приобщали Св. Таин. Этот «искус» и крещение совпадали чаще всего со временем постов, и по преимуществу Великого. В захолустных местах, где крещения совершались реже, крестили и в ближайших источниках, в московских монастырях существовали для этого большие купели. День крещения был самым торжественным: это было торжество религиозное и национальное вместе. Но и после того новообращенный нередко оставлялся на несколько дней в монастыре, чтобы не вдруг перейти к мирской жизни; если это совпадало с наступавшим праздником Пасхи или другим, то праздник он встречал вместе с братией.

Заботясь о религиозном научении обращаемого, наши прилагали старание и о материальном его обеспечении. Иноземцы были сильны у нас взаимным содействием; с обращением в православие помощь от прежних соотечественников прекращалась; напротив, они, где могли, вредили обращенному. На наших лежала нравственная обязанность облегчить ему переход, сделать его в материальном отношении не чувствительным. Таким образом,

* О последнем см. в нашей статье: «Положение протестантов в России до времен Петра Великого» (Журн. Мин. нар. просвещ. 1883. IX–X) и нашем исследовании: «Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках». М., 1886. I–IV. 1–462. I–LIX.

создается особое «государево жалованье», которое обыкновенно с избытком вознаграждало обращающегося за возможные для него утраты и сразу же ставило его в новой среде в удобное положение сравнительно с прежним.

<...> С каждым новообращенным приобретался бесповоротно чисто русский деятель, который уже не может ни пренебрегать интересами своей новой родины, ни тем менее изменить ей, или выехать из нее: он делался русским со всем его потомством. Прежнее имя заменялось православно-русским, подвергалась изменению, согласно русскому произношению, и фамилия. Для новообращающихся же получаемое ими «жалованье» часто служило значительным поощрением к принятию нового вероисповедания. Цельность склада русской жизни, проникнутой религиозными элементами, конечно, невольно должна была вовлекать в себя иноземцев, подчинять их как оторвавшихся от своей прежней почвы; много значила истинность и положительность православия в сравнении с западными вероисповеданиями, особенно с протестантством, еще весьма неясным и неопределенным для многих его членов. Ближе и без предвзятых мнений ознакомляясь с новым верованием, настолько сильным, что оно давало нравственный устой целому государству и народу, иноземцы не могли не сознавать и не чувствовать обаяния его и на себе. Самый характер русских, твердый, но добродушный, в конце концов не мог не вызывать на сближение и родство. Но не каждый мог быть героем, чтоб из-за нового вероисповедания решиться на невзгоды; переход был легче для него, если с тем не соединялось материальных потерь, а скорее получались еще выгоды. Находились лица, у которых материальные интересы стояли здесь на первом плане. Иноземцы к тому же всегда отличались практичностью; на Русь они являлись с целью благоприятного для себя устройства. Видя, что это достижимее при полном слиянии с русскими, они и прибегали к этому средству.

Так вопрос об обрусении иноземцев — протестантов — сам собою сводится главным образом на вопрос об обращении их в православие чрез перекрещивание и на заботы о материальном обеспечении новообращающихся.

Перекрещивание началось при том же государе, при котором явились у нас протестанты, то есть при Иване Васильевиче Грозном. В числе немногих иноземцев, пользовавшихся его доверием, был один переводчик Каспар, уроженец Виттенберга. Отрекшись

от лютеранства, он «принял крещение по русскому обряду» и, к досаде своих прежних единоверцев, порицал лютеранство, убеждая Иоанна, что в Германии, в кирках, нет ни уставов, ни алтарей, ни обрядов*. Особенно много, по словам Флетчера**, «соглашалось креститься в другой раз по русскому обычаю из пленных ливонцев, чтобы воспользоваться большею свободой и сверх того приобрести себе что-нибудь на прожиток, получая обыкновенно при этом награду от царя». Так было при Грозном, так и при ближайших его преемниках.

* *Oderborn P.* Ioannis Basilidis Magni Moscoviae Ducis vita... Witenbergae, 1585, I, л. Е. — Со слов *Oderborn*'а Карамзин (Ист. гос. Рос. IX, 261) назвал Каспара «немецким проповедником». Это не точно: его звание *Oderborn* означил словом *interpres* («ex interpretibus»), то есть переводчик.

** *Флетчер.* О государстве Русском. С. 91–92.